

Article No 227

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02>



Citation:

Жданова, Е., Рацибурская, Л. (2020). Факторы неологизации в русском языке рубежа XX–XXI веков. *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 26–37.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02>

Ždanova, E., Raciburskaá, L. (2020). Faktory neologizacii v ruskom ázyke rubeža XX–XXI vekov. *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 26–37.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02>

ФАКТОРЫ НЕОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ¹

*ЕЛЕНА ЖДАНОВА / ELENA ZHDANOVA

**ЛАРИСА РАЦИБУРСКАЯ / LARISA RATSIBURSKAYA

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского / Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod –
National Research University (UNN)

Институт филологии и журналистики / Institute of Philology and Journalism

Кафедра современного русского языка и общего языкознания /

Department of Modern Russian Language and General Linguistics

ул. Большая Покровская, 37, 603000 Нижний Новгород, Россия / Bolshaya Pokrovskaya st. 37,
603000 Nizhny Novgorod, Russia

*E-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru

**E-mail: racib@yandex.ru

*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3700-0613>

**ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

(Получено / Received 1.10.2020. Принято / Accepted 19.10.2020)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Abstract

Neologization factors in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries

The article uses the material of lexicographic publications of the early 21st century and modern media texts to consider the main ways to replenish the vocabulary of the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries: external borrowings from other languages, semantic loan translation and semantic derivation, word-formation derivation. The study identifies the main factors of neologization in modern Russian: external, extra-linguistic factors associated with economic, socio-political, cultural and ideological changes in Russia at the turn of the 20th–21st centuries as well as socio-psychological and intra-linguistic factors associated with trends towards internationalization, democratization in language, language economy and speech euphemization.

Key words: neologization, external borrowings, semantic derivation, word-formation derivation, neologism, lexicographic publications

Резюме

В статье на материале лексикографических изданий начала XXI века и современных медийных текстов рассматриваются основные пути пополнения словарного состава русского языка на рубеже XX–XXI веков: внешние заимствования из других языков, семантическое калькирование и семантическая деривация, словообразовательная деривация. В результате исследования определены основные факторы неологизации в современном русском языке: внешние, экстралингвистические факторы, связанные с экономическими, социально-политическими, культурными и идеологическими изменениями в России на рубеже XX–XXI веков, а также социально-психологические и внутриязыковые факторы, связанные с тенденциями к интернационализации, демократизации в языке, к языковой экономии и эвфемизации речи.

Ключевые слова: неология, заимствование, калькирование, семантическая деривация, словообразовательная деривация, новообразования, лексикография

Изменения в словарном составе русского языка рубежа XX–XXI веков были обусловлены в первую очередь экстралингвистическими причинами. Резкая смена общественно-политической формации, «шоковая терапия» рыночной экономики, падение «железного занавеса» – эти внеязыковые причины послужили катализатором ряда языковых процессов, проявившихся в том числе на лексическом и словообразовательном уровнях. Обновление лексического фонда русского языка рубежа XX–XXI веков, естественно, нашло отражение в целом ряде лексикографических изданий. Наиболее полно новые слова, вошедшие в русский язык в последнее десятилетие XX века, представлены в последнем из

опубликованных неографических источников – трехтомном словаре-десятилетнике *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века* (далее – НСЗ-90), изданном в 2009–2014 гг. В нем представлены лексические и фразеологические единицы, появившиеся в русском языке исключительно в 90-е годы XX века. Развитие языка напрямую связано с развитием того общества, которое он обслуживает, а внеязыковые (экстралингвистические) факторы обязательно должны учитываться при характеристике языка конкретной эпохи. Как отмечал Г.О. Винокур, «язык есть культурная традиция: основные схемы этой традиции, ее крайние границы могут, очевидно измениться только с изменением самой культуры» (Винокур 2006: 87). Но в то же время, по мнению Г.О. Винокура, значительные преобразования в общественной жизни активизируют и актуализируют некоторые языковые потенции.

Нагляднее всего влияние экстралингвистических факторов проявляется на лексическом уровне: лексику русского языка последнего десятилетия XX века характеризует большое количество неологизмов, в том числе новых заимствований из английского языка; переосмысление слов, возникновение у существующих слов новых значений, оттенков значений или новых коннотаций. Так, в русском языке конца XX века в связи с бурным развитием компьютерных технологий появляются многочисленные наименования высокотехнологичных устройств: *видеоплата, видеоплеер / видеоплеер, видеопринтер, маршрутизатор, сидишник, считыватель* (примеры из НСЗ-90) и т.д. Однако исследователи отмечают, что языковая эволюция определяется не только внешними факторами, т.к.,

хотя влиянию внешних факторов принадлежит существенная роль в развитии словарного состава языка, далеко не всегда лексические изменения находятся в прямой зависимости от внеязыковых причин. Будучи одним из проявлений жизни языка, пополнение словаря, как и эволюция языка в целом, регулируется факторами не только внешнего, но и внутреннего порядка (Волков, Сенько 1983: 43–44).

Г.П. Нецименко обращает внимание на значимость тенденции языковой экономии для «развития системных закономерностей языка, в том числе и для эволюции литературной нормы» (Нецименко 2010: 118). Вместе с тем, внешние и внутренние факторы, обуславливающие языковое развитие, тесно взаимосвязаны и их разграничение в некоторой степени относительно (Кузнецова 1989: 154). Если рассматривать влияние внешних и внутренних факторов, в частности, на лексику, то надо учитывать, что «автономные процессы, происходящие внутри лексической подсистемы языка и направленные на совершенствование системы обозначений, в конечном счете опосредованы внешним стимулом, в частности актуализацией каких-либо общественных явлений, понятий» (Волков, Сенько 1983: 45). При этом последнее «приводит в действие языковой механизм, стремящийся дать уже известному понятию удобное для данного состояния языковой системы обозначение, соответствующее тем или иным тенденциям в её современном развитии. Таким образом, внешние стимулы опираются на внутриязыковые факторы» (Волков, Сенько 1983: 45). Так,

развитие экономики, расширение международных контактов, научно-технические достижения приводят к увеличению количества иноязычных заимствований (например, *бизнес-виза* (от англ. *business visa*), *бизнес-гайд* (от англ. *business guide*), *веб-дизайн* (от англ. *web design, www design*), *видеоадаптер* (от англ. *video adapter*) (НСЗ-90 и мн.др.).

Лексику русского языка рубежа веков характеризует возросшее в разы число заимствований, преимущественно из английского (в его американском варианте) языка. Надо отметить, что заимствования не только активно проникают в живую разговорную речь, но и закрепляются в языке, о чем свидетельствуют и лексикографические источники. В частности, в словаре НСЗ-90 из 465 слов на букву Б 70, т.е. 15% – иноязычные (Новые слова и значения... 2009: I: 4). «По масштабности, интенсивности проникновения англицизмов русский язык, пожалуй, стоит на первом месте среди славянских языков» (Маркова 2011: 405). Причины роста заимствований, в первую очередь, экстралингвистические: после распада СССР и падения «железного занавеса» активизировались международные торговые и культурные контакты, многим гражданам России стал доступен зарубежный туризм. В конце XX – начале XXI веков «возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» (Крысин 2008: 12).

Интенсификация общения носителей русского языка с носителями иных языков явилась важным условием для непосредственного заимствования лексики (Крысин 2002: 5). В лексике, обслуживающей некоторые специфические сферы деятельности, иноязычными оказываются целые группы слов: *видеоадаптер, видеобластер, веб-страница, веб-трафик, веб-хостинг* и др. в компьютерной терминологии; *глэм, глэм-рок, глэм-фан, гранж-музыка* (направления в современной музыке) (НСЗ-90) и т.д. Нередко подобные заимствования оказываются производными, от которых уже в русском языке создаются новые производные: *гранжевый / гранжовый, гранжёр, глэм-роковый, веб-страничка* (НСЗ-90). Появление у заимствований производных свидетельствует об их активной адаптации в языке-реципиенте (Маринова 2008).

Действие экстралингвистических факторов поддерживается внутренними законами языкового развития: заимствования могут закрепиться в языке, только если они не противоречат его системе, если их вхождение в язык мотивированно и поддерживается интралингвистическими факторами: например, новые заимствования могут экономить речевые усилия, что выгодно для говорящих; ср.: *бизнес-вумен* (более короткое, однословное наименование) – *деловая женщина, женщина-предпринимательница*.

Немаловажную роль в относительно легкой адаптации заимствований играют и социально-психологические факторы, в том числе так называемая «языковая мода». «Статус престижного часто несет на себе слово иностранное, которое аттестует говорящего более высоко» (Вепрева, online). Кроме того, как замечает Л.П. Крысин, иноязычное слово может использоваться не только в целях повышения «престижности» речи, но и в качестве эвфемизма, скрывающего не-

гативный смысл называемого явления, делающего его более респектабельным, т. е. как бы повышающего ранг «неприятного» явления (Крысин 2008: 51). Таким образом, иноязычные лексемы заимствуются не только под влиянием внешних факторов, но и потому, что они могут выполнять «определенные социально-психологические функции» (Крысин 2008: 50). Кроме того, в далеко не редких случаях имеет место так называемое семантическое калькирование, когда заимствуется значение слова при сохранении внешней оболочки русского (или давно русифицированного) слова. Так, заимствованными из английского являются новые значения слов *быстрый* (в сочетаниях *быстрая еда*, *быстрое питание* от *fast food*); *быки* (от *bull*) – ‘брокеры, играющие на повышение акций ...’; *голосовой* (в сочетании *голосовая почта* от *voice mail*) – ‘компьютерная система записи и воспроизведения голоса, звучащего по телефонной сети’ и др.

Обновление лексического фонда, как было отмечено выше, может осуществляться в результате семантической деривации, когда у существующих в языке слов появляются новые значения, т.е. образуются неосемемы, или семантические неологизмы. Так, например, НСЗ-90 фиксирует новые значения у слов *бомонд* ‘высший свет, элита современного общества ... // о ведущих деятелях, профессионалах высшего класса из какой-л. сферы деятельности ... // элита какого-л. социального слоя’ (образовано в результате метафорического переноса от ‘верхушка буржуазного дворянского общества; высший свет’); *взломать* ‘устранить защиту какого-л. компьютера, информационной сети с целью нелегального доступа к хранящейся там информации’ (образовано также в результате метафорического переноса от ‘ломая, вскрыть запечатанное, целое’); *зашить* ‘подвергнуть операции по вшиванию специальной ампулы с лекарством для прерывания алкогольной зависимости’ (образовано в результате сужения значения ‘положив, поместив внутрь чего-л., закрепить швом’) и т.д.

Кроме внутрисловной семантической деривации неологизмы, созданные одним из морфологических способов, могут совпадать с уже существующим в языке словом формально и сближаться с ним семантически, хотя напрямую и не выводятся из значения последнего: «появление нового значения у слова обусловлено не закономерностями развития системы его значений, а одновременным присоединением аффикса и сопровождающими его семантическими сдвигами» (Попова, Рацибурская, Гуцунава 2005: 51–52). Таким образом, возникновение нового значения происходит путем вторичной номинации: *декабристы* ‘члены депутатской группы Государственной Думы «Либерально-демократический союз 12 декабря»’ (ср. существовавшее ранее значение ‘участники дворянского революционно-освободительного движения, завершившегося в декабре 1825 г. восстанием против самодержавия и крепостничества’); *зеленеть* ‘1. Мыслить с позиций экологии; поворачиваться к решению проблем сохранения природной среды; 2. Подниматься по отношению к курсу американского доллара (о курсе российского рубля)’ (ср. существовавшее ранее значение ‘делать зеленым, окрашивать в зеленый цвет’).

И.В. Ерофеева отмечает, что активизация процессов трансформации семантики слов связана с изменениями в жизни общества, в экономике, науке и других социальных сферах. В частности, очень активны процессы семантических

изменений в политической сфере: «Слова, не имевшие ранее отношения к политике, получают политическое звучание. Чаще всего новые значения слова приобретают вследствие метафорического переосмысления, при этом они характеризуются ярко выраженной коннотацией, чаще всего отрицательной, выражая оценку современной общественной ситуации» (Ерофеева, online). Такому переосмыслению подверглись, например, слова *август** ‘о событиях, связанных с августовским путчем 1991 года’; *базарник** ‘сторонник рыночной экономики’; *бархат** ‘о постепенном мирном решении политических проблем’ и др.

В русском языке нашего времени, несмотря на увеличившееся число внешних заимствований, преобладает обновление лексики за счет словообразовательных инноваций. Как отмечают исследователи, «из всех процессов, поставляющих в русский язык новые единицы, самым активным является процесс словопроизводства» (Маринова 2008: 439).

В русском языке конца XX века прослеживаются два вектора языкового развития. Во-первых, очевидна тенденция к интернационализации и «америкоглобализации» (Е.И. Коряковцева). Это отражается в большом числе производных-композигов с первой несклоняемой атрибутивной частью (*рок-музей, рэп-тусовка, тату-салон*); продуктивности иноязычных (интернациональных) аффиксов и аффиксоидов (*супер-, -(из)аци(я), -изм*); появлении новых заимствованных аффиксов (*мега-, -гейт*). В частности, рост именной префиксации в русском языке рубежа XX–XXI вв. осуществляется, в первую очередь, за счет заимствованных морфем – например, в синонимичной паре *супер- – сверх-* заметно более продуктивным является иноязычный префикс. Кроме того, обращает на себя внимание стремительная словообразовательная адаптация заимствованных неологизмов. Нередко даже новое заимствование оказывает вершиной целого словообразовательного гнезда: *Интернет – интернетизация, интернетчик, интернетомания* и целый ряд композигов, как заимствованных, так и созданных на русской почве, что во многом обусловлено экстралингвистическими факторами: «В XXI веке одним из решающих источников появления новых слов является интернет, без которого нельзя представить современную жизнь. В последнее десятилетие языковая деятельность человека активно происходит в социальных сетях. Они оказывают огромное влияние на нашу коммуникативную и информационную жизнь. Актуализация их роли находит свое отражение и в словообразовании» (Хоригути 2019: 46).

Современные медийные тексты отражают продуктивность указанных заимствованных аффиксов. Продуктивный размерно-оценочный префикс *супер-* может быть связан с выражением как позитивной, так и негативной оценки. Позитивная оценочность представлена в следующих новообразованиях: *Она у меня не только супермама, но и супержена. За этими суперзваниями она не должна забывать, что она суперженщина* (1-й канал, 1.06.2020); *Сербы мне очень помогли, за что я им суперблагодарен* (1-й канал, 8.10.2019). Вместе с тем в определенных контекстах данный префикс может выражать и негативную, ироническую оценку: *...суперсоветы дня от нескончаемых коучей* (Sunmag.me, 25.06.2019); *Но, как и многие другие компьютерные люди, ее ум затуманен реальным миром, супергеймер не в состоянии разглядеть и увидеть свое счастье*

(Российская газета, 29.04.2020); *На параде в Петербурге был замечен «суперорденоносец»* – «коллега» Сталина. Награду для ветерана купили за 2000 рублей на «блошином рынке» (МК.RU, 27.06.2020).

Заимствованный из английского языка в конце XX века префикс *мега-* прежде всего указывает на большой размер денотата, а также на обладание денотатом признаками, качествами namного сверх обычного: *Компанию, сотрудниками которой на Ямале задерживают зарплату, обманули на мегастройках к чемпионату мира 2018 года* (URA.RU, 7.02.2019); *Это мегаопыт, он был уникален для меня* (НТВ, 26.04.2020). Количественная семантика в подобных случаях нередко осложняется оценочной. Характер оценки (положительная, отрицательная) обычно зависит от мотивирующей семантики и контекста: *Я понимала, что он не такой человек, он мегаправильный* (НТВ, 11.05.2019); *Не просто хорошо, а мегахорошо* (1-й канал, 09.08.2019); *Узорные губы могут подойти мегакреативным людям* (НТВ, 8.12.2019); *Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные мега-свалки...* (Livejournal, 7.12.2017); *Обратите внимание на остекленный торговый мега-сарай – его поставили не так давно* (5.11.2018, <https://periskop.livejournal.com/1914014.html>).

Экспрессивно-негативная оценка может выражаться продуктивным префиксом *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности: *Доверчивые старики представляли мошеннику во временное пользование свои награды и антикварные предметы. Псевдописатель заверил их, что ценности ему нужны для снятия с них копий* (Российская Газета: Неделя, 27.09.2018); *... каждый человек, прежде чем размещать очередной слух или мнение псевдоэксперта в соцсетях, должен задуматься, что он делает* (Российская газета, 22.04.2020); *Псевдожизнь знаменитостей не могла ограничиться только кадром или обложкой* (Комсомольская правда, 1–8.07.2020); *американская псевдоборьба за свободу и демократию* (телеканал «Россия-1», 19.07.2020).

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсустантивных и отадъективных имен действия с суффиксом *-изациj-*, которые стали приметой нашего времени» (Николина, Фролова, Литвинова 2005: 126): *В шведском языке появилось новое слово «трампизация»* (Российская газета, 1.01.2017); *Казахстан медленно, но продвигается по пути казахизации* (телеканал «Россия 1», 15.04.2018); *Болезнь пиаризации нашей политики* (радио «Вести-FM», 1.10.2020). Наряду с данным интернациональным суффиксом отвлеченной семантики в российских масс-медиа активно используется также суффикс *-изм* со значением «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, связанное с собственными именем (обычно фамилией) лица, его основавшего» (Лопатин, Улукханов 2016: 349), который присоединяется к основам не только имен нарицательных, но и имен собственных, называющих актуальные значимые фигуры современности, популярных политиков и общественных деятелей, особенно зарубежных: *Обамизм и его последствия* (7 дней, 18.09.2015); *Эту сложную задачу приходится сейчас выполнять клинтонизму* (The экономист, 01.06.2016); *Поэтому-то горняки и сталевары из американской глубинки, составляющие основу трампиз-*

*ма, так похожи на своих российских собратьев с Уралвагонзавода (Эхо Москвы, 10.10.2016); Если бы «ловушки **трампизма**» и удавки санкций не было, их, ей-богу, стоило бы выдумать (Взгляд, 3.09.2018).*

Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксоид *-гейт* со значением 'политический скандал': ***Трампгейт** состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия (Макспарк, 14.01.2017); Чем полезен «Слуцкий-гейт»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого (Коммерсантъ, 26.03.2018); И что дальше в **новичок-гейте**? (радио «Бизнес FM», 7.04.2018); Все это, получившее название **Скрипальгейта**, уже порядком надоело (НТВ, 9.02.2019).*

Исследователи, описывающие словообразовательные процессы в русском языке нашего времени, часто отмечают такую тенденцию, как рост агглютинативных черт, проявляющийся как в структурном, так и в семантическом отношении. Под влиянием английского языка в последнее время получили распространение словообразовательные модели образования сложных слов по агглютинативному типу с первой неизменяемой частью *корона-*: *Вирус как оружие. Кто инициировал **коронаистерию** (zen.yandex.ru, 27.03.2020); «Коронакризис» оказался сложнейшим экзаменом не только для системы здравоохранения, но и для властных систем (Аргументы и факты, 29.04–5.05.2020); Президент Белоруссии Александр Лукашенко заявил, что отложил традиционное послание парламенту и народу из-за «**коронапсихоза**» (m.Lenta.ru/news, 29.04.2020); **корона-свидания** на карантинно-расстоянии (Московский комсомолец.РРЕ, 22–29.04.2020); Это ответ так называемым **коронаскептикам**, которые утверждают, что вирус не так опасен (1-й канал, 25.04.2020); Новый альбом певицы признали лучшей **корона-терапией** (Московский комсомолец, 3.06.2020); Учиться не надо: коронавирус же! А потом у нас будет **коронапоколение** (радио «Вести-FM», 29.09.2020).*

Всеобъемлющее влияние Интернета и получившее в период пандемии распространение мероприятий дистанционного, удаленного характера способствовало повышению частотности в неограниченных частях *интернет-* и *онлайн-*: *Налоговая инспекция собирается посчитать прибыль такого **интернет-кулинара** (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); Просчитались **интернет-паникеры** из разных стран (НТВ, 18.04.2020); Волонтеры объяснят, как уйти на налоговые каникулы и помогут выбрать **онлайн-няню** (Комсомольская правда, 15.04.2020); Создана **онлайн-тетрадь** для школьников и учителей (Российская Газета, 22.04.2020); Пятая неделя изоляции. **Онлайн-спектакли, онлайн-кинотеатры, онлайн-библиотеки, онлайн-онлайн-онлайн** (kommersant.ru, 24.04.2020).*

Другой вектор языкового развития связан с тем, что, во-вторых, сохраняют высокую продуктивность и в некоторых случаях расширяют синтагматические возможности исконно русские морфемы – суффиксы *-цин(а)* с отвлеченной семантикой, *-ш(а)* с семантикой женскости, *-к(а)* с предметной семантикой и др. Данные аффиксы отчасти отражают еще одну тенденцию в современном рус-

ском словообразовании – тенденцию к демократизации, при которой продуктивность проявляют сниженные, разговорно-просторечные аффиксы и модели.

Яркой экспрессией, обычно негативной, отличаются новообразования на базе иноязычных имен собственных в тех случаях, когда производящие основы иноязычного характера сочетаются с исконными сниженными суффиксами, в частности с суффиксом *-щин(a)*, обозначающим «бытовое или общественное явление, идеологическое или политическое течение, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущественно с неодобрительной оценкой)» (Лопатин, Улукханов 2016: 700) или «исторический период, характеризующийся отношением к лицу, названному мотивирующим словом» (Лопатин, Улукханов 2016: 701): *Наверное, есть некая сущностная аналогия между украинством и нынешней кенигсберщиной* (Литературная газета, 24–30.03.2016, № 12); *Украина победит, когда закончится «обамовщина»* (Провинция, 9.12.2015); *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас трамповщина, чем оказаться неготовыми к какому-либо действиям Америки* (Ironpost, 14.11.2016); *Как и почему сформировалась некая маккейновщина?* (1-й канал, 28.08.2018).

Экспрессивный эффект в медийных текстах достигается также в результате сочетания разговорного суффикса со значением женскости *-ш(a)* с основами, называющими статусных лиц, а также с основами заимствованного и книжного характера: *Спикер Совета Федерации заявила, что население России «ментально готово» к тому, что президентом страны станет женщина (...)* Отметим, что на фоне отдельных *сенаторши* и *депутатши* Валентина Ивановна выглядит довольно симпатично. Но насчет ментальной готовности все же может заблуждаться (Собеседник, 2016, № 22); *При Клинтонше было бы хуже* (радио «Вести FM», 22.09.2017); *Помогал ей брат-дурачок Марсель, безропотно повinovавшийся тиранше* (Комсомольская правда, 3–10.06.2020).

Наряду с разговорными суффиксами активность в деривационных процессах проявляют словообразовательные модели разговорного характера, к которым можно отнести модели универбации с суффиксом *-к(a)*: *Специалисты по безопасности отмечают, что поспешный перевод на удалёнку приведет к ошибкам администрирования и появлению незащищенных сетей* (Российская Газета, 8.04.2020); *Звонки в сети стали темой фильма «Удалёнка»* (Российская Газета, 8.04.2020); *Виртуальные барахолки стали срезом жизни немцев на карантине (...)*. Что же продают и покупают немцы на виртуальных «блошинках» (Российская Газета, 8.04.2020); *...заразили одного из сотрудников, имеющих доступ внутрь, и дальше респираторка сделала черное дело* (Комсомольская правда, 22–29.04.2020). Подобные новообразования отражают также тенденцию к экономии языковых средств.

Обращает на себя внимание и характер производящих основ, и лексические значения новых существительных. Так, в качестве производящих для словообразовательных неологизмов в первую очередь выступают слова, называющие актуальные, общественно важные реалии, характеризующие новые социальные отношения.

Исход XX столетия характеризуется «лавинообразным словообразованием, неконтролируемым потоком заимствований (...) новой жизнью слов, обозначающих наиболее актуальные понятия» (Скляревская 1998: 5), а в целом, происшедшие «в конце XX – начале XXI века изменения в языке (...) можно сопоставить с тектоническими сдвигами в геологии, а на собственно языковом уровне – с взрывными процессами петровской и послеоктябрьской эпохи, связанными с коренной ломкой в жизни общества и в способах ее осмысления» (Сулименко 2008: 51).

Новации распределяются по тематическим группам, которые отражают наиболее востребованные современным обществом реалии. Так, неологизмами стремительно пополняется политическая и идеологическая, экономическая и финансовая, религиозная и медицинская лексика; новые номинации требуются для называния паранормальных явлений, новшеств в сфере моды, массовой и молодежной культуры (Скляревская, online). Вместе с тем следует помнить, что «слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира» (Скляревская, online).

Факторами неологизации в современном русском языке являются как внешние, экстралингвистические факторы, связанные с экономическими, социально-политическими, культурными и идеологическими изменениями в российском социуме, так и социально-психологические, а также внутриязыковые факторы, связанные с тенденциями к интернационализации, демократизации в языке, к языковой экономии, эвфемизации речи.

Библиография / References

- Bucewa, T.N. (Red.) (2009–2014). *Novye slova i značeniâ. Slovar'-spravočnik pomaterialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: v 3 t.* Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin [Буцева, Т.Н. (Ред.) (2009–2014). *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин].
- Erofeeva, I.V. (2001). Semantičeskie preobrazovaniâ v sfere političeskoj leksiki kak proâvlenie âzykovyh innovacij v sovremennoe russkoe âzyke. *Russkij âzyk: istoričeskie sud'by i sovremennoe*. (Online) <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm> (dostup 1.09.2020) [Ерофеева, И.В. (2001). Семантические преобразования в сфере политической лексики как проявление языковых инноваций в современном русском языке. *Русский язык: исторические судьбы и современность*. (Online) <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm> (доступ 1.09.2020)].
- Horiguchi, D. (2019). Affiksaciâ glagolov, oboznačauših dejstviâ v social'nyh setâh. *Studia Rossica Gedanensia*, 6: 45–55 [Хоригути, Д. (2019). Аффикация глаголов, обозначающих действия в социальных сетях. *Studia Rossica Gedanensia* 6: 45–55].
- Krysin, L.P. (2002). O leksike russkogo o âzyka naših dnei. *Russkij âzyk v škole i doma (priloženie k žurnalu «Russkij âzyk v škole»)*, 1: 3–7 [Крысин, Л.П. (2002). О лексике русского языка наших дней. *Русский язык в школе и дома (приложение к журналу «Русский язык в школе»)*, 1: 3–7].

- Krysin, L.P. (2008). *Słowo w sowriemniemych tiekstach i słowariach: Oczerki o russkoj leksikie i leksikografii*. Moskwa: Znak [Крысин, Л.П. (2008). *Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии*. Москва: Знак].
- Kuznecova, E.V. (1989). *Leksikologija russkogo âzyka*. Moskva: Vysšaa škola [Кузнецова, Э.В. (1989) *Лексикология русского языка*. Москва: Высшая школа].
- Lopatin, V.V., Uluhanov, I.S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennogo russkogo âzyka*. Moskva: Izdatel'skij centr «Azbukovnik» [Лопатин, В.В., Улуханов, И.С. (2016) *Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка*. Москва: Издательский центр «Азбуковник»].
- Marinova, E.V. (2008). *Inoâzyčnye slova v russkoj reči konca HH – načala XXI v.: problemy usvoeniâ i funkcionirovaniâ*. Moskva: ÈLPIS [Маринова, Е.В. (2008) *Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы усвоения и функционирования*. Москва: ЭЛПИС].
- Markova, E.M. (2011). *Osnovnye tendencii v leksike sovremennyh slavânskikh âzykov (na materiale russkogo ičeškogo)*. *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo*, 6 (2): 404–408 [Маркова, Е.М. (2011). *Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского)*. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6 (2): 404–408].
- Nešimenko, G.P. (2010). *Tendenciâ âzykovoï èkonomii kak faktor dinamiki literaturnoj normy. V: Novye âvleniâ v slavânskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie. Doklady XI Meždunarodnoj naučnoj Konferencii komisii po slavânskomu slovoobrazovaniiu pri Meždunarodnom komitete slavistov*. Moskva: Maks Press [Нещищенко, Г.П. (2010) *Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы. В: Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*. Москва: Макс Пресс].
- Nikolina, N.A., Frolova, E.A., Litvinova, M.M. (2005). *Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo âzyka*. Moskva: Flinta; Nauka [Николина, Н.А., Фролова, Е.А., Литвинова, М.М. (2005). *Словообразование современного русского языка*. Москва: Флинта; Наука].
- Popova, T.V., Raciburskaâ, L.V., Gugunava, D.V. (2005). *Neologija i neografija sovremennogo russkogo âzyka*. Moskva: Flinta; Nauka [Попова, Т.В., Рацибурская, Л.В., Гугунава, Д.В. (2005). *Неология и неография современного русского языка*. Москва: Флинта; Наука].
- Sklârevskaâ, G.N. (1998). *Vvedenie. V: Sklârevskaâ, G.N. (Red.). Tolkovyj slovar' russkogo âzyka konca XX veka. Âzykovye izmeneniâ*. Sankt-Peterburg: Folio-Press: 7–32 [Скляревская, Г.Н. (1998). *Введение. В: Скляревская, Г.Н. (Ред.) Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс: 7–32].
- Sklârevskaâ, G.N. (2001). *Slovo v menâjušemsâ mire: russkij âzyk načala XXI stoletija: sostoânie, problemy, perspektivy. Issledovaniâ po slavânskim âzykam*. Seul 6: 177–202. (Online) <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (dostup 1.09.2020) [Скляревская, Г.Н. (2001). *Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. Исследования по славянским языкам*. Сеул 6: 177–202. (Online) <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (доступ 1.09.2020)].
- Sulimenko, N.E. (2008). *Sovremennij russkij âzyk. Slovo v kurse leksikologii*. Moskva: Nauka; Flinta [Сулименко, Н.Е. (2008). *Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии*. Москва: Наука; Флинта].
- Vepreva, I.T. (2001). *O fenomene mody v âzyke. Russkij âzyk: istoričeskie sud'by i sovremennost'*. (Online) <https://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm> (dostup 1.09.2020) [Вепрева, И.Т. (2001). *О феномене моды в языке. Русский язык: исторические судьбы и современность*. (Online) <https://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/abst.htm> (доступ 1.09.2020)].

- Vinokur, G.O. (2006). *Kul'tura âzyka*. Moskva: Labirint [Винокур, Г.О. (2006). *Культура языка*. Москва: Лабиринт].
- Volkov, S.S., Sen'ko, E.V. (1983). *Neologizmy i vnutrennie stimuly âzykovogo razvitiâ*. V: Kotelova, N.Z. (Red.). *Novye slova i slovari novyh slov*. Leningrad: Nauka [Волков, С.С., Сенько, Е.В. (1983). *Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития*. В: Котелова, Н.З. (Ред.). *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград: Наука].

Competing interests: The authors declare that they have no conflict of interests.